

ЖАНРОВЫЕ КОНСТАНТЫ И ТРАНСФОРМАЦИИ В КРИМИНАЛЬНЫХ «СНЕЖНЫХ» РОМАНАХ Ю НЕСБЁ

О. В. Тихонова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 4 апреля 2016 г.

Аннотация: целью данного исследования является выделение основных составляющих детективных моделей романистики норвежского писателя Ю Несбё. На примере двух произведений разного плана анализируется система персонажей и характерология романов, делаются выводы об их мотивно-тематическом и структурном единстве. Акцентируется проблема символики романов и визуальных характеристик. В результате исследования устанавливаются специфические черты романов, прослеживаются знаковые лейтмотивы (снега, холода, крови, жертвы).

Ключевые слова: скандинавские литературы, «полицейский детектив», криминальный роман, триллер, саспенс.

Abstract: the research aims at highlighting the main components of detective models in novels written by Jo Nesbø. Character analysis is based upon two famous, but different novels by Nesbø. A conclusion is made about their thematic and structural unity. The problem of symbolism and visual characteristics is being emphasized. As a result of the investigation the novels' specific features. The common schemes of creating characters on the plot level are determined and the familiar themes (such as snow, cold, blood and a victim) are traced.

Key-words: scandinavian literatures, police detective, crime novel, thriller, snow code, the suspense.

Норвежец Ю Несбё (Jo Nesbø) является одним из самых популярных современных скандинавских авторов, известных и за пределами Западной Европы. Литературные интересы автора так или иначе вращаются вокруг криминального романа (модификации детектива), расцвет которого в последние несколько десятилетий очевидно наблюдается в скандинавских литературах. Ставшие объектом данного исследования романы Несбё «Снеговик» (2007) и «Кровь на снегу» (2015) выделены нами неслучайно. Разделённые довольно большим промежутком времени, акцентирующие различные подходы к криминальной теме, они демонстрируют, на наш взгляд, и общие приоритеты автора.

Роман «Снеговик» является кульминационным в серии произведений о полицейском Харри Холе, который расследует здесь серию убийств женщин, тела которых преступник маскирует в виде снеговиков. Именно в них заданы и развиты все параметры детективной модели Несбё. Традиционная на первый взгляд «полицейская история», погружённая в повседневную реальность и быт, вдруг обрастает мистическими обстоятельствами, ужасающими подробностями, сопровождается предельно неожиданными и напряжёнными поворотами сюжета. При этом все фантастически заострённые ситуации получают рациональное объяснение. В целом, соблюдая кодекс suspense-story, Несбё выстраивает литературный триллер.

Ядро детективной схемы образует пара героя и антигероя, сыщика и преступника. Акцент на взаимном преследовании, смертельном соперничестве героев обыгрывается Несбё и варьируется через мотив охоты. Но преследование преступника имеет здесь особое значение. В «Снеговике» истории преступлений затрагивают самого Харри Холе, его близких. В последних романах («Призрак», «Сын») этот аспект будет только усиливаться, а ситуация расследования примет целиком личный характер и погрузится в семейно-родственные проблемы.

Роман «Кровь на снегу» представляет, на первый взгляд, полную противоположность «полицейскому детективу» о Харри Холе, да и всей детективной линии творчества Несбё. Оставаясь верным себе в основных принципах (стиле, повествовательной технике, художественных приёмах, контрастной тематике), норвежский автор выбирает «путь от противного»: главный герой – преступник, профессиональный убийца (антигерой), а текст выстроен в исповедальном ключе. Роман в меньшей степени можно определить как детектив, даже не как криминальный роман: здесь нет тайны и расследования в классическом смысле, нет противостояния представителя закона и преступника, нет свершившегося криминала, который раскручивался бы в «обратном порядке». И один из главных элементов – столкновение Добра и Зла, Закона и Преступления – подан в дискуссионной, если даже не в «перевёрнутой» форме.

Характерные особенности всех романов Несбё – мрачный фон, «пропитанный зимней депрессией», мистически-ужасающий колорит и при этом невероятно реалистично (даже натуралистично) описанные подробности – предстают в обоих произведениях в разном контексте. В «Снеговике» разворачивается расследование дела, *замешанного на наследственности и лжи* [2, 61], а в ходе действия герой и читатель подводятся к мысли о том, что маниакальное стремление преступника к *ощущению могущества и власти* зиждется не просто на душевной и физической болезни. Оно рождается детскими страхами, обидами и желанием отомстить взрослым, а «подпитывается» лицемерием и корыстью одного из самых благополучных европейских обществ, осознанием того, что *в наши дни добрые сердца вообще не самый ходовой товар* [1, 7]. Та же мысль представлена в романе «Кровь на снегу», повествующем о решающем моменте в жизни профессионального убийцы, который оказывается между своими жертвами и своими чувствами. Болезненное желание обрести любовь и понимание превращаются в манию, которая заставляет его идти наперекор всему. Но добивается он этого привычными ему методами. В обоих случаях встаёт вечный вопрос: можно ли прийти к Добру и Справедливости от обратного? Возможно ли силой заставить быть нравственным, страхом побороть подлость, смертью одних «оплатить» жизнь других, следуя мести, оставаться человеком? Каждый из центральных героев оказывается перед подобным выбором, познавая себя и расплачиваясь за свои иллюзии.

В обоих романах обыгрываются **психоаналитические схемы** и положения психиатрии. В романе «Снеговик» судебные психологи, психиатры и криминалисты становятся активными участниками действия, а тема психического расстройства и наследственной болезни является сюжетообразующей. Но при всей очевидности психоаналитического контекста, он не упрощает коллизию, не ведёт к схематизму в толковании образов, хотя и задаёт их многие параметры. В произведении «Кровь на снегу» ядром повествования служит самораскрытие героя (неслучайно представленное в виде «исповеди»), попытка через самоанализ не только «освободиться» от груза прошлого, но и преодолеть настоящее, выстроить «нового себя» и заглянуть в будущее. В обоих случаях исходной точкой для начала преступного пути героев (Улава и Матиаса) служат физическое несовершенство и психологическая травма, полученная в связи с отсутствием или трансформацией влияния отца и искажением образа матери. Но ещё детьми они выбирают разное «спасение» от травмы и формируют разное отношение к себе. Матиас мстит матери и убивает её, а затем и женщин с детьми, в которых он видит её отражение. Улав, защищая мать, убивает отца – страшного человека, а потом

берёт на себя защиту других женщин. Но однажды искажённое представление о Добре и Зле, о Женственности и Мужественности, Преступлении и Наказании они оба проносят через всю жизнь.

Кроме того, самоощущение героев и их **самоидентификация** становятся также основой их криминальной ипостаси. Свои недостатки и фобии Матиас желает превратить в основу избранности, повелевать судьбами людей. Поэтому, осознавая свою конечность, хочет обставить свою смерть как грандиозное действие, окружить чужими смертями, заставить других переживать её через ужас и бессилие. Улав тоже признаёт свою ущербность, но она его не гнетёт, он даже борется с ней поначалу, а затем смиряется и учится жить, принимая себя таким, каков он есть. Спротивление наследственности, року, собственному Я проходит в обоих случаях разными путями, но сходится в одной точке: для собственного (а у Улава – и чужого) спасения приносятся в жертву другие люди, смерть плодит смерть, неважно, как она обосновывается. И оба героя тоже становятся жертвами – жертвами Зла, угнездившегося в них самих. Судебный психолог Эуне из романа «Снеговик» делает вывод: *Чем старше я становлюсь, тем больше склоняюсь к мнению, что зло — это зло, независимо от диагноза злодея. Все мы в той или иной степени предрасположены к преступлению, и предрасположенность эта с нас вины не снимает. Мы ведь, силы небесные, все до единого больны и страдаем нарушениями личности. И именно наши поступки определяют, насколько мы больны* [2, 93].

С этой сентенцией связано и решение проблемы **наказания** – необходимого элемента детектива. Переплетение в этом контексте мотивов жизни и смерти выводит на парадоксальное решение. Матиас-«Снеговик», мечтающий умереть, наказывается жизнью, которая оборвётся страшной болезнью, чего он как раз пытался избежать. Улав, который только обретает вкус к жизни и ищет любви, погибает. Наказание неотвратимо, но оно и жестоко логично – оба приговорены к возмездию: *что хуже: убить человека, который хочет жить, или не давать умереть тому, кто хочет умереть?* [2, 94].

Таким образом, **личность преступника и характер преступления** как важные элементы детективно-криминальной схемы приобретают здесь особое значение. Наиболее ярко этот аспект выявляется в романе «Кровь на снегу», где особую роль играет «личная» форма построения текста. В данном случае этот приём позволяет задать не однонаправленную систему координат (как это было в классическом детективе), а, сместив акценты, показать Человека, которому можно сочувствовать. Более того, здесь практически *все* персонажи представляют *тип антигероя*, все так или иначе связаны со Злом, которое принимает разные облики. Игра со смертью, борьба за выживание, корысть или пре-

дательство заставляют каждого не только совершать выбор, но и совершать его в сторону Зла.

Эти мотивно-тематические схемы создаются в романе и с помощью литературных аллюзий, реминисценций. **Литературный фон**, на котором развивается судьба героя, весьма показателен, даже символичен. Улав страдает дислексией, *словесной слепотой* [1, 9]. Но книги для него – самое ценное, особенно в отсутствии нормального людского общения, так же, как и кино, потому что хороший фильм, как и хорошая книга, *заставляет иначе взглянуть на вещи* [1, 7]. Чтение становится для него орудием борьбы за существование, процессом, ведущим к обретению не столько знания, сколько переживания, к самопознанию. Но и будит в нём творческое начало: структурирует его фантазию, развивает потребность в письме. Особое значение приобретает код творчества **В. Гюго**. Здесь обыгрываются его мировоззренческие и эстетические константы (положение Гюго о гротеске, в том числе о множественности Безобразного и единичности Красоты), вырисовывается трактовка мотива спасения и милосердия в контексте романа «Собор Парижской богоматери» (соприкосновение с женственностью и добром выстраивает смысл человеческой жизни, даёт Слово «бессловесному» герою, освящает смерть), вводится тема страдания во имя любви. Но особенно важно введение в текст путём прямого цитирования романа «**Отверженные**» – главной книги в судьбе Улава. Он выстраивает свою философию, отталкиваясь от размышлений над романом Гюго: *Я – человек, который сделал своим хлебом насущным убийство других людей. И я согласен, что образ жизни людей может быть разным, как и движущая сила их поступков* [1, 15]. Принимая людей со всеми их пороками, он остаётся, в сущности, очень наивным и доверчивым. И это последнее качество становится одной из главных составляющих его трагедии. Так возникает парадокс произведения Несбё. Добрый и доверчивый убийца: нонсенс? Причудливая игра судьбы? Ошибка наследственности?

Тип сыщика у Несбё представлен образом полицейского Харри Холе, который и критики, и читатели справедливо считают несомненной удачей автора. Определяют его контрасты разного уровня. Холе – фанатик своего дела, маниакально преданный работе, при этом без малейших признаков карьеризма, *чертовски хороший следователь*. Автор играет с некоторыми известными схемами, мотивами, стереотипами, сознательно выстраивая мотив «американизированного» героя. Своеобразный **«американский след»** проходит через всё повествование: несколько раз упоминается стажировка Холе в ФБР, в воспоминаниях предстаёт его жильё в Чикаго и вовлечённость в дела американских полицейских, друзья и сослуживцы постоянно упоминают об его американском периоде, иронизируя над приёмами

из арсенала американских копов. Даже история, рассказанная в романе, подчёркнуто выведена из ряда типичных для скандинавской жизни, но соотнесена с американской: *В Норвегии серийных убийц не было никогда. Эти ребята водятся только в США, да и то в основном в кино* [2, 46].

Тип грубого, но честного и бескомпромиссного полицейского «переигран» у Несбё «на скандинавский лад». Герой – простой человек, со своими тайнами, странностями, комплексами, недостатками и даже пороками, лучший в профессии и часто неудачливый в обыденной жизни. Совсем не пример для подражания: сорокалетний мужчина с нестандартной внешностью, ипохондрик, алкоголик, всё время пытающийся перебороть свою привычку и отдающийся ей сполна в моменты тоски и безысходности, обманывающийся в женской любви мужчины и неприспособленный к семейной жизни патологический одиночка, которому свойственна *природная мизантропия*. Причём, одиночество – это его собственный выбор, что подтверждает и финал романа, в котором герой сознательно избегает единения с близкими людьми, оставаясь «неприкасаемым». Но все эти качества позволяют создать человеческий характер, а не схему, не плоский, но живой и понятный каждому образ, которому сопереживаешь, даже осознавая его «неидеальность».

Важная составляющая стиля Несбё, которая могла бы стать, на наш взгляд, отдельным объектом исследования, явно заостряет его северную принадлежность и специфику. Главной приметой скандинавской/северной идентичности становятся в его романах **коды Снега и Холода**, которые тесно связаны с символикой романов. Снег формально присутствует в каждом фрагменте повествования, сопровождает, «отмечает» действия, мысли и чувства героев, снежный мотив формирует характерный пейзаж Осло и окрестностей, снег служит средством визуализации временных характеристик, черт личности героев. Снег выступает у Несбё в тысячах оттенков, подробностях. Снег скрывает следы и, наоборот, делает их заметными, он убивает и спасает, становится наваждением героев и символом спасения и освобождения. «Снежные коды» выстроены у Несбё с особой поэтичностью, даже в самых неожиданных или мистически-ужасных ракурсах.

Прежде всего, мотив снега становится структурным и смыслообразующим элементом в романе «Снеговик». Матиас Лунн место преступления *обставлял особым ритуалом: все должно было происходить как тогда — в день, когда выпал первый снег, и обязательно надо было слепить снеговика* [2, 85]. Сама фигура Снеговика становится не только центральным образом, но и своеобразным символом – холодного расчёта убийцы, но и холодности человеческих отношений, символом ужаса жертв и триумфа преступника, символом смерти и чудовищной

Игры. Жертвы, поглощённые снегом и холодом, становятся похожими на ледяные скульптуры, манекены, а предсмертные гримасы уподобляются застывшим маскам. «Театральность» присутствует во всех поступках Матиаса – постановщика страшных картин смерти, а мотив маски сопровождает его образ постоянно и связан с рациональным, даже физиологически точным объяснением – его наследственным заболеванием (склеродермией). В романе «Кровь на снегу» мотив Снеговика тоже присутствует, «закольцовывая» всё повествование. В первом эпизоде Улав вспоминает свою первую жертву и её холодное тело, напоминавшее снеговика, в последнем эпизоде он сам – умирающий – занимает место «снежной жертвы». Снег и кровь, белое и красное – образуют символический цветовой контраст обоих романов. Ужасная красота этого сочетания многократно обыгрывается в тексте: *Она посмотрела... на снег и кровь. Такой белый. Такая красная. Какая удивительная красота. Прямо королевская мантия* [1, 24].

«Снежные коды» Несбё служат ключом ко всему повествованию, в них сводятся воедино практически все ведущие линии мотивов, проблем романов, сконцентрированы символические контексты, контраст-

но представлена скандинавская идентичность. Данный подход свойственен многим скандинавским авторам, и каждый из них использует его в своих целях и в рамках индивидуальных стиливых предпочтений. Но сам факт актуализации данной темы выводит на специфику «северного» художественного мышления. Криминальные романы Несбё, как мы видим, не составляют здесь исключения. Кроме этого, при более или менее точном следовании автора канонам жанра детектива (весьма жёсткого и устойчивого) именно «снежные мотивы», тонкий (порой изошрённый) психологизм, парадоксальность мышления, усложнённая интрига, игра с традициями и осознание «своего и чужого», мистический колорит, использование техники триллера, приёмы визуализации (в том числе страха) отличают данную жанровую модель норвежского писателя и выводят на константы скандинавского криминального романа в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Несбё Ю. Кровь на снегу / Ю Несбё. – URL: <http://www.litmir.co/bd/?b=253399> (дата обращения: 15.01.2016).
2. Несбё Ю. Снеговик. / Ю Несбё. – URL: <http://www.litmir.co/bd/?b=143159> (дата обращения: 15.01.2016).

*Воронежский государственный университет
Тихонова О. В., кандидат филологических наук, доцент
кафедры зарубежной литературы
E-mail: olnem@yandex.ru*

*Voronezh State University
Tikhonova O.V., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Foreign Literature Department
E-mail: olnem@yandex.ru*